

ГЛАВА ВТОРАЯ.
СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И СТРУКТУРА
ГЕНУЭЗСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ
В ФАКТОРИЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Начало освоения генуэзцами северочерноморского побережья принято датировать 1260-ми гг. До сих пор правовой вопрос о заселении итальянскими купцами чужеземных территорий остается открытым. Э. Ф. дель Примодэ связывал утверждение генуэзцев в Крыму с приобретением земель частными лицами, а именно генуэзскими нобилями Бальдо Дориа и Антонио дель Орто [Цит. по: Balard 1978. P. 115]. Действительно, в «Генуэзских хрониках» Джорджо Стелла, ссылаясь на сведения от местных старожилов, полученные им в 1357 г., называет имя Бальдо Дориа в качестве первого поселенца Каффы, построившего там первое каменное здание, в то время как другой генуэзский хронист, Агостино Джустиниани, упоминает и Антонио дель Орто в связи с началом заселения земель, прилегающих к акватории Феодосийского залива [Цит. по: Balard 1978. P. 116]. В. Гейд и его последователи склонялись к мысли, что Каффа досталась генуэзцам около 1267 г. в результате соглашения с Уран-Тимуром, наместником хана Менгу-Тимура (1267-1280) [Heud 1885-1886. Bd. II. S. 158-165].

Наряду с давно существующими концепциями «частной синьории» и «публичного договора» бытует и третье мнение о свободном занятии генуэзскими поселенцами пустующих земель, собственники которых не были известны [Еманов 1997а. С. 12]. По утверждению М. Балара со ссылкой на нотариальные акты Перы, составленные нотариусом Габриэле ди Предоно, к 1281 г. относится первое упоминание о существовании генуэзского консулата в Каффе [Balard 1978. P. 118]. Имя одного из первых каффинских консулов, назначенного в 1284 г., Лукето Гамбоно, прослеживается по документам Государственного Архива Генуи [Balard 1978. Pp. 369, 902]. Следующие пять

лет должность консула занимал Альберто Спинола, которого в 1289 г. сменил Паолино Дориа [Balard 1978. P. 902]. Занимавший этот пост находился в подчинении у подеста Перы, поскольку опека Перы над Каффой длилась, по мнению М. Балара, вплоть до 1300 г. Роль консулов сводилась к исполнению чисто административных функций – они вводили деветумы и налагали запреты на сделки и договора, однако сами при этом могли принимать участие в коммерческих операциях, как, например, Оливерิโอ Дориа и его брат Паолино, бывший консул Трапезунда. Вслед за М. Баларом можно сделать вывод о том, что на заре существования факторий консул ничем не отличался от прочих торговцев, обитателей фактории, был также вовлечен в коммерческую деятельность и лишь решал некоторые административные задачи.

К 1281-му и 1289-1290-м гг. относятся первые документальные свидетельства пребывания генуэзцев в Каффе и их коммерческой деятельности, а именно: собрание частно-правовых актов, составленных нотарием Габриэле ди Предоно в 1281 г. и нотарием Ламберто ди Самбучето в 1289-1290 гг. [Balard 1973]. По этим источникам можно судить о том, какие фамилии присутствуют в Каффе с ее основания. Из 700 представителей 80 знатных лигурийских родов, упомянутых в этом документе, лидирует клан Ди Негро – как минимум 23 члена этой семьи развили деловую активность на рубеже 1289–1290 гг. в Каффе. За ними следуют: Маллоне – 21 человек, Делла Порта – 20, Спинола – 17, Сальваго и Кьявари – по 15, Дориа, Чикала и Чибо – по 14, д'Асти – 13, Андора, Гизольфи и Де Мари – по 11, Ломеллини – 10, Пагано и Тартаро – по 9, Гримальди, Грилло, Гаттилузи и Кальво – по 8, Пинелли – 6, Дзаккариа, Паллавичино и Скварчафико – по 5, Камилла и Узо ди Маре – по 4, Пандзано – 3. Все перечисленные – представители нобильских гибеллинских семей. Это отражает синхронную внутривосточную ситуацию в метрополии, где в это время на политической арене доминировали пополары, а значит, нобили были лишены возможности замещать высокие посты в управлении Генуэзской республикой,

вследствие чего многие предприимчивые молодые люди благородного происхождения, зачастую младшие или побочные сыновья, жаждущие богатства и приложения своей энергии, отправлялись испытывать фортуны в заморские фактории.

Ни одна из крупных нобильских семей не собиралась пускать корни, рассматривая свое пребывание на крымской земле как временное и лишь стремясь к обогащению в краткие сроки. Как видно из приведенных выше данных, ядра знатнейших лигурийских родов присутствуют в Каффе, но количество родов растет скорее за счет дальних и бедных родственников, представителей побочных линий и бастардов, чем за счет прямых наследников. Деловую молодежь посылали на Восток старшие родственники, держатели капитала, чтобы контролировать прибыль от инвестиций и таким образом снизить риск потери капиталовложений в торговлю на чужой, неподвластной Генуе территории.

Следует, однако, отдать должное амбициозности лигурийского купечества. Еще не закрепившись на чужой земле, имея примитивную организацию, они в нотариальных актах именуют своего консула не иначе как «консул генуэзский в Каффе и всей Газарии» – речь идет о Сорлеоне Спинола, консуле 1298 г. [Balletto 1993. P. 30].

По наблюдениям М. Балара, вновь прибывшие коммерсанты не спешили заводить семьи, и смерть заставляла их либо неженатыми и бездетными, либо имеющими за редким исключением одного ребенка [Balard 1978. P. 255]. Этот факт убеждает в том, что лишь немногие отваживались окончательно осесть на новых землях. Другой социальной проблемой, с которой неизбежно сталкиваются переселенцы, был «женский вопрос». В картуляриях 1289-1290 гг. названа только одна знатная лигурийка – Маргарита ди Камольи, супруга Герардо Каттанео. Менее знатные купцы иногда привозили с собой жен, как это сделали Джованни ди Струппа и Гваданьино ди Кастильоне, но такие случаи редкость. Процветал институт конкубината, когда служанки, они же наложницы, заменяли оставшихся в

Лигурии жен. Иногда они сами становились официальными супругами. Несколько примеров смешанных браков приводит М. Балар: знатный генуэзский нобиль Бьянко Сальваго возвысил в супруги свою служанку гречанку Елену с согласия родителей; уроженец Кастронуово (Лигурия) Джованни взял в жены гречанку Марию; флорентинец Альбертуччо сватался к гречанке Пиперции; русская по имени Франческа вышла замуж за кузнеца Уголино из Пьяченцы; венгерка Маротта стала женой Петруччо из Кремоны [Balard 1978. P. 256].

Среди важнейших событий начального периода развития Каффы выделим принятие первого Статута (устава) городской коммуны в 1290 г., сохранившегося лишь в названиях рубрик. В них отражен принцип городского самоуправления с высшим органом – собранием.

В 1308 г. войска хана Токты (1290–1312) осадили Каффу и вынудили жителей-латинян покинуть город, который затем был сожжен самими генуэзцами. Однако предприимчивые генуэзцы не смирились с потерей выгодных земель. После смерти Токты коммуна Генуи снаряжает посольство к его преемнику Узбеку (1312-1341) и добивается возвращения фактории. Не дошедший до нашего времени генуэзско-татарский договор 1313-1316 гг. был призван регламентировать формы платежей с купечества и оказал немалое влияние на уставные нормы администрации Каффы.

Это вызвало необходимость обновить городской Устав, что и было сделано в 1316 г. Созданная в 1313 г. специально для управления генуэзскими факториями Северного Причерноморья коллегия из восьми человек, фигурирующая в исторических документах как *Officium Gazarie*, направляет из метрополии в крымские поселения комиссию из юристов для выработки основных положений Статута. Были определены полномочия консула – главы исполнительной власти, ежегодно назначавшегося из Генуи и обязанного принести присягу на собрании кафиотов. Он же выполнял функции главы судебной власти. Жалованье консула составляло 1000 аспров в месяц или 60 соммов в год. При консуле постоянно находился писец.

Народное собрание по-прежнему обладало высшей законодательной властью – оно ведало вопросами строительства, следило за водоснабжением, вводило дополнительные налоги в пользу коммунны, вводило или отменяло пошлины, объявляло публичные займы, отслеживало выплаты из коммунальной казны. Органы городского управления состояли из Большого и Малого советов, включавших в себя соответственно 24 и 6 членов. Они избирались из латинян и местных жителей в соотношении пять к одному для поддержания количественного равенства этносов и подлежали смене через один год. Казначейми выступали два ключника (*clavigerii*), заведовавшие общественной казной; как бухгалтеры они обязаны были вести приходно-расходные книги, следуя правилам итальянской двойной бухгалтерии. Клавигеры – кратковременная должность, в отличие от массариев – казначеев второй половины XIV в., они избирались сроком на два месяца и входили в состав Большого совета.

Правила торговли на рынках контролировали два министралия – базарных пристава. Их полномочия тоже длились два месяца, и Малый совет избирал новых. Синдики, иначе – суперминистры, надзирали за деятельностью чиновничьего аппарата и также избирались Малым советом. За порядком внутри города следили кавалерий и капитан бургов, а капитан оргузиев начальствовал над наемной конной стражей.

Особенностью Статута 1316 г., было выделение оффиции сансеров и переводчиков, которая формировалась из местных жителей, обладавших познаниями в торговых обычаях, товароведении и владевших самыми распространенными языками, письменными и устными [Еманов 1997а. С. 28].

Как видно по слабому развитию аппарата управления, находившемуся в зачаточном состоянии (из всех должностных лиц только консул направлялся из Генуи), говорить о генуэзской администрации в Крыму применительно к этому периоду было бы преждевременно. Все выглядело так, будто горстка купцов, временно оказавшаяся на чужой территории,

пыталась самоорганизоваться, пока велись дела, и прощупать почву с целью дальнейшего закрепления на ней.

18 марта 1316 г. были приняты правила для жителей фактории (*Ordo de Caffa*), включавшие в себя и план восстановления Каффы, по которому город решено было разделить на две зоны: территорию, окруженную крепостными стенами – *castrum*, и пространство за пределами стен – *burghi*. Внутри крепости предполагалось разместить участки, предназначенные под застройку, и продавать их с торгов, тогда как свободные земли вне крепостных стен должны были сдаваться в аренду представителям восточных общин с внесением арендной платы в казну города. По-видимому, к этому времени формируется разделение жителей на *cives* (сперва только Генуи, а затем собственно Каффы), *burgenses* и *habitatores* [Бочаров 1998. С. 85-86].

Систему городского гражданства Каффы можно не без оснований считать уникальной, учитывая, что ни одна генуэзская фактория не обладала подобной структурой. «Высший уровень гражданства составляли *cives* (граждане), обладавшие знатностью, феодальными привилегиями, имевшие право на герб, звание нобиля, налоговые иммунитеты и льготы в использовании коммунальной собственности. Возвышение *cives* обуславливалось заслугами перед коммуной при исполнении обязанностей в высших коллегиальных органах управления Каффы. Подобный статус стал распространяться как на генуэзцев, так и на левантийцев с начала XV в., что выступает одним из критериев завершения процесса конституирования коммуны. Средний уровень образовывали *burgenses* (жители крепости), которые, как и *cives*, обладали недвижимостью в городе, имели право участия в управлении, занимая обычно половину мест в официциях и советах коммуны, пользовались привилегиями, которых Каффа достигла по соглашению с правителями государств Черноморского региона. Нижний уровень составляли *habitatores* (обитатели), обладавшие недвижимостью, или прожившие один год в городской черте, платившие налоги, не имевшие избирательных прав, но пользовавшиеся привилегиями на занятия ремеслами

и торговлей в пределах распространения городской юрисдикции. К числу *burgenses* и *habitatores* также относились как генуэзцы, так и левантийцы. Помимо этого, горожане могли приобретать личный статус “приравненного к генуэзцам” (*pro januensibus*), дававший дополнительные преимущества в пользовании теми привилегиями, которых Генуя добилась в Романии и Газарии. Тот или иной статус и его возвышение определялись коммуной» [Еманов 1997а. С. 33].

В «Положении о каффинском консуле» от 30 августа 1319 г. говорится, что «генуэзцем считается тот, кто или является генуэзцем (*sit Januensis*) или рассматривается в качестве такового (*tractetur pro Januense*), или если два-три достойных доверия лица клятвенно подтвердят, что данное лицо родом из Генуи, с [генуэзского] побережья или округа, или что генуэзцем был его отец, и он сам себя таковым считает (*se tractaverit et habuerit pro Januense*)» [Климанов 2000. С. 326].

Впервые термином *burgensis de Caffa* именуется только один житель Угетто ди Сестри в актах 1289–1290 гг. Все остальные проходят как *civis Januensis* либо *habitor Januae*.

Официально статус города – *civitas* – Каффа получила в 1322 г. от Папы римского Иоанна XXII. Скорее всего, в это же время обозначилась такая дефиниция, как *civis Caffae* – гражданин Каффы.

Несмотря на подобную структурированность, границы статусов, за исключением *civis Januae*, далеко не так прозрачны. Напротив, зачастую в текстах источников наблюдается смешение и путаница этих понятий. Обобщение ранее написанного о статусах *civis* и *burgensis* – см. в статье О.Н. Барабанова [1998. С. 117-125]. В 1423 г. *civis Januae* Галезио Сальваго в течение двух предшествующих лет был *burgensis in Caffa* – свидетельство того, что статус – величина непостоянная, и он мог быть приобретен и утрачен. Надо полагать, что смысл статусов менялся в зависимости от места, времени и просто особенностей источника. Один и тот же человек мог обладать разными статусами одновременно, – например, Лука Бальби в 1454-

1455 г. фигурирует в документах и как *civis* Каффы и как ее *burgensis*. По свидетельству Устава 1449 г., к этому времени *civis* Каффы растворяется в *burgensis*, незыблемым остается лишь понятие *civis Januae*.

Нотариальные акты курии Каффы 1343-1344 гг., составленные нотариусом Никколо Бельтраме, освещают период строительства цитадели (*castrum*). Несмотря на безусловный прогресс в отношениях латинского населения с ханом Джанибеком (1341-1357), занятые земли требовалось постоянно укреплять и защищать. Каменная цитадель возводилась в период с 1340 по 1352 г. – о дате окончания ее строительства свидетельствуют надписи на четырех закладных плитах с именем Готифредо ди Дзоальи, консула Каффы 1352 г.

В отношении постоянного населения Каффы наблюдается некоторый сдвиг в сторону большей стабильности, хотя и незначительный. По подсчетам М. Балара, только 23 обитателя, около 7% всех упомянутых в документах Н. Бельтраме, названы *habitatores et burgenses de Caffa* [Balard 1978. P. 257]. Среди актов наблюдается количественное превосходство договоров о доверенности, о передаче полномочий другим лицам. Во многих документах говорится о желании завещателей перевести нажитое в Каффе добро обратно на родину, в Лигурию. Эти факты, по справедливому замечанию М. Балара, свидетельствуют о нежелании рассматривать свое пребывание в Каффе как постоянное, о боязни обзаводиться недвижимостью и семьей с тем, чтобы уже отрезать себе путь к возвращению в метрополию. Об этом же говорит и малое количество смешанных браков. Самые ранние из известных фамильных усыпальниц в Каффе датированы 1344 и 1370 гг. – до наших дней сохранились фрагменты надгробных мраморных плит с именами лигурийских нобилей Рануччо делла Торре и Пьетро Чеба и их наследников. Первое и единственное из известных солдатских надгробий относится к 1384 г. и принадлежит Анджелине, вдове покойного Деметрио де Трави.

Последовавшие за этим периодом три относительно спокойных, мирных десятилетия с 1350-х по 1380-е гг. содействовали укоренению

латинского населения на крымской территории. Купцы и нотариусы ведут дела в Каффе и живут там постоянно. Аристократы Имперале, Спинола, делл'Орто, Новелло, Бургаро названы *burgenses de Caffa* – термином, который теперь встречается гораздо чаще, чем в предшествующий период [Balard 1978. P. 258-259]. В актах Килии за 1361 г. нотариусом Антонио ди Пондзо три человека именуется *burgenses* и 11 *habitatores* Каффы [Balard 1978. P. 259]. Члены старинных нобильских родов, таких как Фьески, Камилла, Чибо наряду с простыми ремесленниками обозначены в документах горожанами (*burgenses*) Каффы [Balard 1978. P. 250].

Количественное соотношение нобилей и пополаров в пользу первых сохраняется и в последующие годы. По подсчетам М. Балара, в Каффе к 1386 г. из 1516 человек латинские имена имеют 1025. Из них единицы принадлежат пополарам: 2 – Монтальдо, по одному Адорно, Гварко и Фрегозо. В остальном соотношение среди нобильских домов следующее: в лидерах – Спинола (17), по 9 – Дория и Грилло, по 8 – ди Негро и Узо ди Маре, 6 – Джентиле, по 5 – Де Мари, Имперале, Леркари и Чеба, 4 – Дзаккариа, по 3 – Каттанео, Фьески и Де Марини [Balard 1978. P. 370].

Отслеживая социальную принадлежность каффинских консулов, нельзя не отметить, что наряду с нобилем – Спинола, Гримальди, Вивальди, Де Марини, Де Мари, Чентурионе – среди консулов встречаются и члены купеческих фамилий – Дзоальи и Газано. С 1343 по 1390 гг. четверо Гримальди занимали консульский пост в Каффе. Фамилию каффинского консула 1342 г. Ди Скаффа не приводят в своих перечнях ни А. М. Дж. Скорца, ни Ф. Грилло. Не удалось найти в источниках и фамилию консула Каффы 1348 г. Эрмирио Мондини, известную по плите с гербом папы Климента VI.

Среди 386 жителей Каффы – выходцев из Лигурии – названы по фамилии 362. Остальные 24 человека обозначены только названием альберго. 216 лигурийцев в качестве фамилии носят топоним своего рождения, как, например, Дзоальи. Из 17 Спинола, присутствующих в Каффе – один банкир,

один судовладелец – патрон галеи, два члена альберго ди Лукколи, но четверо – солдаты-наемники. Стефано, носящий благороднейшую фамилию Дориа – тоже солдат, и его социальный статус не идет ни в какое сравнение с положением в обществе, занимаемым его однофамильцами банкиром Раффо Дориа или послом коммуны в Монкастро Илларио Дориа. Очевидно, что аристократическая фамилия не всегда свидетельствует о высоком социальном статусе ее обладателя.

Окончательное закрепление латинско-генуэзского населения на всей территории Северного Причерноморья произошло с присоединением Чембало не позднее 1357 г. и захватом богатой торговой фактории Солдайи в 1365 г. С этого времени генуэзская администрация распространяется и на эти форпосты, о чем свидетельствуют закладные плиты из Чембало 1357 г. с именем генуэзского консула Симоне д'Орто и из Солдайи 1371 г. с именем местного консула Леонардо Тартаро.

В 1380-е гг. обстановка в Каффе усложнилась. Конфликт с золотоордынцами привел к вооруженному противостоянию (Солхатская война 1385-1386 гг.), чему предшествовали большие расходы на строительство новой линии оборонительных укреплений. По причине неурожая город остро нуждался в зерне в 1393-1394 гг. Необходимо было утвердить власть генуэзской администрации на местах. Сроки пребывания на посту консулов увеличились до 12 месяцев и более в тех случаях, когда приходилось долго ждать прибытия преемника из метрополии – иногда, чтобы добраться до места назначения, официалам требовалось до двух месяцев. В 1381 и 1382 гг. Джаннино дель Боско и Джанизио де Мари покинули свой пост лишь спустя месяц после официального окончания срока их полномочий. Джованни ди Инноченти, занявший должность 23 июля 1386 г., освободил свое кресло лишь 19 августа 1387 г. [Balard 1978. P. 375].

Изменения коснулись и системы управления. М. Балар подвергает сомнению факт сохранения в конце XIV в. двух советов – Малого и Большого, как это было согласно Статуту 1316 г. Большой совет, безусловно,

больше существует – его функции распределились между консулом, членами Оффиции Монеты и Советом из шести человек – новой структурой, подобной Малому совету. Малый совет, по данным массарии 1387 г., был распущен 3 июля 1387 г. Шестеро советников в обязательном порядке были генуэзскими гражданами, из них двое нобили – Узо ди Маре и Леркари, другие входили в состав двух комитетов – Военной и Попечительской Оффиций. Консул теперь отвечал за бюджет, за сбор налоговых платежей, деля ответственность с Советом Шести, он мог самостоятельно принимать решения, связанные с расходами на пользу коммун, имел право разблокировать денежные средства, даже не достигнув соглашения с членами Совета. В ведении консула также находилась печать коммун. В компетенцию консула входили выбор средств защиты, строительные работы, вербовка наемников.

Как полномочный представитель Генуи в Газарии, консул исполнял и дипломатические обязанности. Эволюционировал и консульский статус в глазах представителей других земель. Уже в актах за 1343 г. каффинский консул Дондедео ди Джусто торжественно титулуется как **«генуэзский консул в Каффе и всей Газарии»** с гораздо большим на то основанием, чем в 1298 г. На закладных плитах 1383-1384 гг. Якопо Спинола ди Лукколи именован **«генуэзским консулом Каффы и империи Газарии»**. После признания крымским ханом в договорах 1381 и 1387 гг. права Генуи контролировать земли на всей прибрежной полосе Северного Причерноморья – от Каффы до Чембало – этот титул обретает полновесность. В 1374 г. вводится должность *vixitatores Gothie* (инспекторов Готии) на присоединенных генуэзцами 18 казалиях Готии. Количество инспекторов возрастало от шести в 1375 г. до 10 в 1382 г. и 18 в 1387 г. [Balard 1978. P. 375].

Штат консула заметно вырос. В него входили викарий, три писца, глашатаи, семь переводчиков, два базарных пристава, четверо или шестеро судебных исполнителей, доктор медицины, преподаватель грамматики,

оргузии. Викарий ведал вопросами правосудия. Этой должности не было по Уставу 1316 г., но в документах 1343-1344 и 1382 гг. его часто упоминают, он профессиональный правовед, назначаемый из Генуи.

По-прежнему в ночное время город охраняли военные – капитан предместий, избираемый на полгода, капитан городских стен, ночные караульные в крепостных башнях общим количеством более 50, сторожа на судах.

В 1398 г. горожане (*burgenses*) Каффы высылают делегацию в Геную к наместнику французского короля с прошением о разрешении им замещать большее количество должностей в аппарате управления факториями. Они получили официальную возможность занимать половину мест в администрации, исключая консульское кресло, посты массариев и писцов сенатской курии. Также вследствие увеличения общего числа наемников-арбалетчиков (*socii*) с 30 до 50 человек, находящихся на содержании общины, правительство Генуи допускает, что двадцать из них могут быть *burgenses*. Это последнее правило было упразднено после передачи факторий Банку св. Георгия – категорически запрещалось нанимать социев из *burgenses*.

Сведения о членах генуэзской администрации Крыма в период с 1399 по 1419 гг., которыми мы располагаем, чрезвычайно скудны. По информации из казначейских книг Каффы М. Балару удалось установить имена некоторых каффинских и солдайских консулов, занимавших посты в данном временном отрезке – это Антонио Де Марини (1399-1400), избранный консулом Каффы во второй раз, Иноффьо Пиккамильо (1401-1402), Рабелла де Франческо (1402-1403), впоследствии в 1424 г. избранный членом Попечительской Оффииции Романи [Balletto 2000. P. 3], Костантино Леркари (около 1404), Джакомо Дориа (1409), Джорджо Адорно (около 1410), Паоло Леркари, скончавшийся на своем посту, и заменивший его Баттиста Де Франки Луксардо (1411-1413). Имя последнего консула высечено на каффинской плите 1413 г. Еще одно имя высшего должностного лица в Каффе прочитано

на закладной плите 1406 г. – это местный консул Джованни Де Марини. Имена солдатских официалов Антонио Леркари (1398), Филиппо Маркезано (1400) и Бабиано Сальваго (1408) со ссылкой на различные источники приводит М. Балар [Balard 1978. P. 902]. На памятных плитах с крепостных башен Солдаи указаны имена консулов Бальдо Гварко (1394), Коррадо Чикала (1404), Лукино Фьески (1409) и Барнабо Де Франки прежде Пагана (1414).

Около 1410 г. в Каффе учреждается Коллегия св. Антония (*Officium capitum Sancti Antonii*), призванная осуществлять контроль за экспортом рабов. В ее функции входит сбор пошлин с купцов-работорговцев за вывоз «живого товара» из факторий. Рабы составляли львиную долю вывозимого на запад из Крыма товара и давали огромные прибыли казне. Однако в 1449 г. коллегия упраздняют, ее функции переданы двум казначеям Оффиции Монеты. В составе комиссии по работорговле по Уставу 1449 г. находились также переводчик и писец. Все эти чиновники не получали жалованья от коммун, а существовали на доходы от пошлин, взимаемых поголовно за каждого раба, находившегося на судне, а также с каждого корабля, на котором перевозили невольников.

В 1413 г. в Генуе была создана Коллегия Романии (*Officium Provisionis Romanie*) для управления факториями Причерноморья, просуществовавшая вплоть до передачи колоний под опеку Банка св. Георгия. Именно эта коллегия – главный адресат всех петиций из Каффы в период с 1420 по 1453 г., ее эксперты рассматривали вопросы и давали свое заключение в высшие инстанции – дожу или губернатору Генуи, которые совместно с Советом старейшин были обязаны принять окончательное решение по данной проблеме.

В целом период первой четверти XV в. можно охарактеризовать как тяжелый для причерноморских факторий. Неурожайными выдались годы 1420 и 1421, в 1435 г. разразилась эпидемия чумы на фоне затяжной войны с

княжеством Феодоро (1433-1441). Все это пагубно отразилось на количественном составе населения факторий, в особенности его латинского элемента. Многие лигурийцы желали вернуться в метрополию, но из-за суровой системы налогообложения не имели материальной возможности это сделать, поскольку подушный налог (*avarìa*) взыскивался за все годы, в том числе и проведенные в факториях. Большое количество документов содержит просьбы о налоговых льготах, в частности, об освобождении от *avarìa* по возвращении в Геную. В убытке оставались как простые купцы и ремесленники, так и высшие магистраты.

Анализируя тексты документов Генуэзского Секретного Архива, среди которых преобладают петиции к властям Генуи о возмещении местным таврийским официалам долгов и расходов, понесенных ими при исполнении своих служебных обязанностей в фактории, С. П. Карпов отмечает, что эти факты являются показателем как общего финансового неблагополучия фактории, так и нестабильности всей ситуации в Причерноморье в первой половине XV в., то есть задолго до того, как экспансия османов вступила в завершающую фазу. Документы *Diversorum, filze* «позволяют установить малоизвестный доньше феномен деколонизации – оттока населения Причерноморских факторий в метрополию и иные центры Романии в XV в., что не было связано с одной лишь османской экспансией и сложными отношениями с соседями – крымскими ханами, а имело под собой более глубокие социально-экономические причины» [Карпов 1995. С. 14].

Как справедливо замечает Л.Г. Климанов, «в начале XV в. стало обычным предоставление должностей в заморских колониях как формы «альтернативного» (по точному выражению Э. Бассо) возмещения расходов и вознаграждения за заслуги перед коммунной. При этом полученную должность, судя по всему, не требовалось непременно исправлять лично, а вполне можно было предпочесть продать ее заинтересованному лицу <...> при условии, что приобретающий должность также имеет статус генуэзского

гражданина» [2000. С. 326]. К 1420-м гг. получение должностей в администрации фактории давно уже рассматривалось не более чем простой источник дохода. Эта тенденция усилилась с приходом к власти миланских герцогов Висконти. Личные кредиторы герцога или его губернаторов имели шанс получить консулат какой-либо фактории в счет выплаты долга. Однако зачастую ущерб, понесенный ими на службе коммуны, во много раз превосходил прибыль. Не только официалы, но и граждане, выполнявшие государственные поручения коммуны, несли колоссальные убытки и требовали их возмещения у властей Республики. Показателен случай с Дарио Грилло, послом Каффы к литовскому князю Витовту в 1430 г.: ограбленный татарами, он предъявил иск коммуне Генуи на 300 соммов. Для покрытия денежного ущерба ему решили предоставить в управление консулат Чембало сроком на два года. Однако доходы от двойного консульского срока не могли возместить ущерба даже наполовину, поэтому ему была предложена еще и должность массария Каффы на 18 месяцев [Карпов 1998. С. 36-37].

Важное событие в церковной жизни факторий произошло в первой трети XV в. Осознавая значение Каффы не только как экономического и политического центра Газарии, но и как религиозного и в том числе миссионерского центра всей генуэзской Романии, Генуя обращается в июле 1431 г. с петицией к Папе Римскому о повышении статуса каффинского епископства до архиепископства.

Материалы каффинской Продовольственной Оффиции за 1421-1440 гг., обработанные С. Оригоне, дают возможность поименно восстановить список чиновников этой ответственной коллегии и установить род занятий по другим источникам. В 1423 – 1424 гг. проведиторами и массариями были Пьетро Фьески и Джеронимо Джустиниани, в 1426-1427 – Лучано Дориа и Симоне Мачиа, в 1432-1433 – Барнабо ди Марко и Блазио ди Пассано. Синдиками в 1432-1433 гг. стали Лучано Дориа и Анджело Джустиниани. Членами Продовольственной Оффиции сроком на полгода были избраны следующие генуэзские граждане: в 1428 г. – Антонио ди

Аллегро, Амброджо Чибо, Панибели ди Спиньяно и Джованни Де Мари, во второй половине года их сменили Баттиста ди Ординандино, Федерико Спинола, Каччанемико Луксардо и Джулиано ди Гвизальдо; в 1433 г. в комиссию входили Доменико ди Джибеллетто, Пьетро Джованни Леккавелло, Самуэле Каррега, в 1436 г. – Джорджо Донато, Галеотто ди Фацио, Франческо Фьески и Лоренцо Джентиле; в 1440 г. членами коллегии стали Лука Сакерио, Габриэле Де Мари, Инноченцо Фьески и Сильвестро ди Пагана. Должность базарных контролеров в 1422 г. занимали Джованни Адорно и Габриэле Узо ди Маре. Писцами и нотариями канцелярии (*scribania*) Продовольственной Оффиции были: в 1424 г. – Джованни ди Петрарубеа, смененный затем Джованни ди Пучето, и в 1428 г. – Оберто Каррето. Джегатарием продовольствия в 1422 г. был назначен Никколо ди Капавалли, а в 1432 г. – Бенедетто Бойоло. В 1421 г. послом курии стал Франческо Сакис. Джованни Бигроссо в 1422 и 1424 гг. занимал должность нунция (посыльного) при Продовольственной Оффиции, тот же пост в 1427-1428 и 1430 гг. перешел к Раффаэлло Монлеоне и Симоне ди Подио в 1429 и 1432 гг. Глашатаями коммуны Каффы были: Никколо Бергуко в 1422, 1428, 1429, 1432 гг., Андреа Ченолио в 1426 г. и Андреа Чепуллино в 1432 и 1438 гг. Федерико Спинола ди Лукколи в течение рассматриваемого периода исполнял три важных должности в Каффе – консула 1423-1424 гг., массария 1425-1426 гг. и члена Оффиции Продовольствия. Лучано Дориа – массарий 1426-1427 и синдик 1432-1433 гг. Джованни из рода Адорно, базарный контролер 1422 г., – редкий случай появления пополара среди генуэзских чиновников в Крыму. Три представителя Дома Фьески занимали ответственные посты в Каффе – два срока продержался в кресле консула Пьетро Фьески с 1423 по 1425 г., его родственники – Франческо и Инноченцо были членами Продовольственной Оффиции, его брат Теодоро – консул Каффы в 1441-1442 гг. [Origone 1983. P. 229-318].

Лука Сакерио, член Продовольственной Оффиции в 1440 г., известен по документам Секретного Архива Генуи как работорговец, ограбленный

турками в Галлиполи на пути из Каффы в Геную – в своем прошении Совету старейшин Генуи от 7 апреля 1449 г. он сообщает, что в результате столкновения с турецкими пиратами потерял 12 рабов и рабынь стоимостью 500 флоринов и просит компенсировать ущерб [Карпов 1998. С. 47].

Имя другого чиновника этой коллегии, Пьетро Джованни Леккавелло, всплывает в петиции его тещи от 14 января 1433 г. губернатору Генуи Ольдрадо ди Лампуньяно. Мать супруги Пьетро, Линоры, из старинного нобильского рода Каттанео пишет, что названный Пьетро Джованни оставил жену и малолетнюю дочь в Генуе и с небольшой суммой денег отправился в Каффу, где вопреки ожиданиям не преуспел. Изабелла, его теща, забрала дочь и внучку к себе на содержание, однако, будучи не в состоянии платить налоги за зятя, просит освободить ее от податей. Просьба была удовлетворена [Карпов 1998. С. 22]. Возможно, вследствие этого обращения к властям с жалобой на бедственное положение семьи Леккавелло, Пьетро Джованни было предложено место в Оффиции Продовольствия Каффы.

Еще с одной жалобой на беззакония обращается к правительству Генуи представитель Продовольственной Оффиции Габриэле Де Мари. Он был дважды обойден справедливостью, о чем сообщает в петициях от 13 января и 12 октября 1444 г. В 1438 г., будучи патроном галеи в Каффе, Де Мари доставил добычу, захваченную на территории Мангуа (Феодоро). Однако местные магистраты – массарии и синдики – заставили отдать все в пользу коммуны. Габриэле просит вернуть причитающуюся ему часть прибыли. Консул Каффы Паоло Имперiale и члены Оффиции Войны присудили полагающуюся ему долю [Карпов 1998. С. 39-40].

В прошении каффинского синдика 1432-1433 гг. Анджело Джустиниани дожу Генуи говорится, что валашский господарь Стефан конфисковал имущество его и его брата, в связи с чем он просит о предоставлении права репрессалий в отношении имущества воеводы и его подданных (5, 23/XII 1443) [Карпов 1998. С. 39].

Еще на заре существования генуэзских поселений в Крыму сформировалось понимание роли и значения генуэзского ставленника в Причерноморье. Однако наиболее полное представление о полномочиях консула мы можем почерпнуть из единственного дошедшего до нас Устава 1449 г. В нем консул Каффы торжественно именуется *caput et primordium dicte civitatis et totius Maris Maioris in imperio Gazarie*. Это означает, что на протяжении столетия консул Каффы был высшим должностным лицом на всей территории генуэзских владений в Причерноморье. Он по-прежнему избирался только в метрополии из среды генуэзских нобилей, затем приносил присягу перед генеральными синдиками Каффы, клянясь свято соблюдать Устав Каффы и законы Генуи, отдавал распоряжения слугам, имел свиту, охрану и заместителя – викария. Жалованье его, по сравнению с 1316 г., возросло в восемь с половиной раз, «его появления перед народом были сопряжены с особым, торжественным ритуалом – он представлял власть и персонифицировал могущество и авторитет генуэзской республики» [Карпов 2000. С. 154]. В Консульском замке в ведении консула находились атрибуты коммуны, в частности, печать. Он же исполнял обязанности верховного синдика и вместе с викарием вершил правосудие.

Однако, невзирая на широкие административно-судебные функции и репрезентативность власти, сроки его полномочий строго ограничивались одним годом. На пути к бесконтрольному обогащению существовало множество узаконенных препон: консулу запрещалось быть откупщиком налогов, на его частную коммерческую деятельность отводились лишь последние четыре месяца правления, при этом сумма прибыли от сделок не должна была превысить годовое жалованье. Каналы взяточничества были надежно перекрыты: консул по закону не имел права принимать подношения от частных лиц, что расценивалось как подкуп, и оставлять у себя подарки от официальных лиц, ему вменялось в обязанность немедленно передавать их в Оффицию Монеты.

Раз в месяц любой гражданин Каффы имел право подать прошение, в котором мог обжаловать действия любого члена администрации, и консул должен был своевременно отреагировать и рассмотреть петицию, исходя из Устава факторий и генуэзского законодательства. И сам он мог быть приговорен к штрафу или более суровому наказанию, если спустя год по истечении его мандата синдики находили его виновным по предъявленному иску. Строжайший контроль над действиями крымских официалов объяснялся тем, что «метрополия, охваченная постоянным соперничеством олигархических группировок, страшилась узурпации власти в факториях, превышения полномочий должностных лиц и лоббирования ими клановых интересов. Республика нередко была недовольна своеволием консулов, например, при выдаче ими разрешений на применение права марки по отношению к подданным местных государей (царя Грузии, императора Трапезунда, а тем более хана Золотой орды или турецкого султана)» [Карпов 2000. С. 154].

По Уставу 1449 г. консул должен был избрать двух массариев, ответственных за казну коммун. Они отвечали за все финансовые документы, в их ведении находилась особая печать, отличная от печати Оффиции Монеты; каждый месяц они проверяли счетные книги казначейства. Порядок избрания массариев был весьма сложным: оба они непременно должны были быть гражданами Генуи, в их пользу должны были проголосовать две трети избирателей, состоящих из членов Совета старейшин, двух прежних массариев и самого консула. Срок их полномочий ограничивался шестью месяцами.

Высшие должностные лица Солдаи, Чембало, Таны, Ло Коппы, Готии, такие как консулы, коменданты крепостей и массарии, тоже назначались из Генуи.

Все судьбоносные решения консул принимал, опираясь на Совет старейшин, состоявший из восьми человек. Возглавлял его Первый старейшина (*Prior Antianorum*), избиравшийся на три месяца, затем

сменяемый вторым. Оба они, как гласит Устав, имели первенство перед викарием консула.

Викарий, или заместитель консула – это не новая должность, однако впервые в Уставе 1449 г. определены его полномочия. Он тоже назначался из метрополии и служил неким передаточным звеном от остальных чиновников к консулу.

В сфере судопроизводства консул разделял свои полномочия с коллегией Генеральных Синдиков в количестве четырех человек. Консул обязан был их избирать каждые полгода в следующем порядке: сам консул с двумя вновь избранными массариями с Советом старейшин и прежними членами Попечительской Оффиции (*Officium Provisionis*) голосовали за шестнадцать граждан, из которых половина была кафиоты, четверть – *cives Janue*, и четверть – *burgenses*. Предполагалось далее, что вместе с этими шестнадцатью будут избраны четверо синдиков – двое граждан Генуи и двое состоятельных жителей Каффы. Помимо генеральных синдиков, преемниками консула и старейшинами избирались два аудитора и трое синдиков для ревизии деятельности консула. Характер деятельности синдиков был четко обозначен – «синдики контролировали соблюдение законности в процедуре выборов, обеспечивая равное представительство нобилей и пополанов, *cives* и *burgenses* в представительных органах управления, через них осуществлялась аттестация лиц, допускавшихся к избранию, наделявшихся избирательными правами и вступавших в должность чиновников. Они принимали присягу у всех вступавших в должность официалов. Они участвовали в законодательном процессе, осуществляя экспертизу всех принимавшихся решений на соответствие закону. Они скрепляли своей подписью внешнеполитические акты, удостоверяя их непротиворечивость конституционным нормам. На синдиках лежала также обязанность прокурорского надзора за соблюдением правозаконности в деятельности всех органов управления» [Еманов 1997а. С. 31]. Выступая защитниками интересов коммуны, синдики инспектировали

законность ценообразования на продовольствие: еженедельно они объявляли цены на мясо и хлеб, исходя из наличествовавших в городе запасов.

Следующим по значимости коллегиальным органом коммуны считалась Оффиция Монеты (*Officium Monete*), состоявшая из четырех человек – двух генуэзских граждан и двух граждан Каффы. Имея в своем распоряжении вторую по значимости печать, эта коллегия контролировала правильность сбора налогов в городе и округе, принимала и рассматривала жалобы о нарушениях в налогообложении.

Попечительская Оффиция (*Officium Provisionis*) была представлена в подобном составе – в нее входили два *cives Janue* и два *burgenses Capuae*, избиравшихся на полугодовой срок. При комитете полагались писец (*scriba*), казначей, рассыльные, пристав (*cavalerius*) и смотритель за водопроводом (*ihecamira*). В ведении комитета находились фортификации, строительство публичных зданий, дорог, мостов, водосборных цистерн. Ведомство располагало отдельным финансовым фондом, формирующимся из налогов с земли, крепостных сборов и пошлин с продажи соли и с окладов должностных лиц в подчиненных Каффе крепостях. Эти средства использовались для покрытия издержек на реконструкцию стен и башен крепости, арсенала, на обеспечение чистоты в городе и т. д.

Имелись и еще две регулярные коллегии, состоящие, как обычно, из двух генуэзских граждан и двух привилегированных кафиотов. В области коммерческого, таможенного и морского права ведущее место занимала Оффиция Торговли Газарии (*Officium Mercantie et Gazarie*). Компетенция этого ведомства регламентировалась особыми «правилами торговли Газарии».

Полномочиями издавать декреты и нормативные акты наделялась и последняя из регулярных органов управления Продовольственная Оффиция (*Officium Victualium*). Главной обязанностью данного комитета было обеспечение города продовольствием, прежде всего зерном.

На жаловании общины состояли также писцы (*scriba Curie*), числом пять – два писца, один помощник писца и два секретаря, писцы на греческом и сарацинском, два глашатая коммуны (*cintraci*), возвещавшие публично различные объявления, три переводчика – один при консуле, один в Сенате и один «на посылках». Помимо рассыльных из Попечительской Оффиции, коммуна обязана была содержать еще шестерых, один из которых бессменно находился при консуле. Список лиц на содержании коммуны также включал трех музыкантов, двух трубачей и капеллана, часового мастера, четырех сторожей при башне Христа, надзирателя за водой, флейтиста, сопровождавшего выход консула в церковь.

Городскую полицию возглавлял пристав (*cavalerius*) с помощью подпристава (*sub-cavalerius*), получавший, согласно Уставу, жалование от консула, он же исполнял функции эзекутора, за что также получал деньги. При нем несли службу по охране общественного порядка двадцать полицейских (*servientii*). Конной стражей командовал капитан оргузиев (*capitaneus arguxiorum*), всадник, самолично находившийся при консуле. В его подчинении было двадцать хорошо вооруженных всадников – у каждого лошадь, плащ, щит и меч.

Стратегически важные ворота и башни круглосуточно охранялись военными надзирателями и их помощниками – капитан ворот Хачатура (*capitaneus porte Caihadoris*) караулил их вместе с вооруженным стражником и привратником-ключником. Те же функции выполняли надзиратель башни св. Константина (*custodius turris s. Constantini*) и капитан ворот предместий (*capitaneus porte Antiburgorum*), в помощь к которому были дополнительно приставлены четыре всадника.

За порядком внутри городских стен следил и капитан бургов Каффы (*capitaneus burgorum Caphe*) – в его обязанности входило взимание штрафа с хозяина каждой лавки, работающей внеурочно, с караульных, спящих на рабочем месте, с нарушителей комендантского часа, с постоянных дворов, с нарушителей режима. Капитан бургов осуществлял надзор за

противопожарной безопасностью в городе и получал вознаграждение за поимку беглых рабов. За порядком на городском рынке следил базарный пристав (*ministralis*), обладавший личной печатью. Ему вменялось в обязанность следить за тем, чтобы все торговые лавки закрывались на время христианских праздников и штрафовать нарушителей.

Членами городской администрации являлись и два откупщика акциза, или джегатарии, – на съестные припасы (*ihegatarius victualium*) и на лес, траву и уголь (*ihegatarius lignaminum herbarum et carbonum*).

Таким образом, штат городской администрации (за исключением музыкантов и сторожей) составляли: верхушка коммуны в лице консула и восьми членов Совета старейшин; около шестидесяти гражданских чиновников; сорок солдат-наемников. Из них, согласно Уставу, сорок человек должны обладать всеми привилегиями *cives Januae*, то есть, две трети крымских чиновников должны были родиться в Генуе. Граждане Каффы, не имеющие этого статуса, но обладающие недвижимостью в Каффе, состоятельные и успешные в делах не могли ни при каких обстоятельствах быть избранными на пост массариев, консульских синдиков, контролировавших действия консула, викария и остальных. Все невыборные должности – от капитана оргузиев и пристава до писцов и их помощников для них закрыты [Устав 1449].

Падение Константинополя под натиском османов в мае-июне 1453 г. сыграло роковую роль для генуэзской Газарии и предрешило судьбу крымских факторий. В результате турецкой блокады Босфора надолго прервалась морская связь Каффы с метрополией – с лета 1453 до весны 1455 г. в Каффу не прибыло ни одного судна из Генуи, сообщение велось по суше, что занимало многие месяцы и было чревато большой опасностью. В ноябре 1453 г. группа вновь назначенных чиновников отправляется с денежной помощью в сопровождении двухсот наемников сухопутным путем в Каффу.

Среди них оргузий Якопо Маруффо, проввевиторы Симоне Грилло и Марко Кассина, а также Джакомо Чикала и Дамиано Леоне.

После Деметрио Вивальди, консула Каффы в 1452-1453 г., в ноябре 1453 г. его место занял Андреа Скварчафико.

Из-за напряженной внешне- и внутривполитической обстановки Генуя терпела колоссальные убытки: казну истощили многолетняя война с Арагоном, опасность постоянного вторжения французских и миланских завоевателей, а также ожесточенная борьба за догат между домами Адорно и Фрегозо. Ситуацию усложняла полная изоляция факторий в Северном Причерноморье – для их содержания и защиты от турок требовались значительные средства, намного превышавшие прибыль. Неуклонно рос долг Банку св. Георгия, главному кредитору коммуны. Как отмечают исследователи, к 1453 г. прибылью от факторий, юридически принадлежавшей коммуне Генуи, фактически давно распоряжался Банк св. Георгия. Оставалось лишь официально оформить передачу факторий под юрисдикцию Банка. Процедура передачи Банку св. Георгия подробно описана в «Дипломатическом кодексе Тавро-Лигурийских колоний» [Vigna 1868-1871. Vol. VI. Doc. IV, V]. Вначале четверо членов генуэзского Совета проввевиторов по делам крымских колоний в составе Стефано Де Марини, Антонио Джентиле, Бартоломео ди Леванто и Дамиано Леоне 10 ноября 1453 г. сделали от имени правительства формальное предложение правлению Банка о передаче факторий в ведение Банка. Из 275 членов правления 248 голосов было «за» и 27 проголосовало «против». Все члены Совета Банка названы поименно – всего 147 нобилей (16 – Ломеллини, 13 – Дориа, 9 – Гримальди, 6 – Спинола и т.д.) и 126 пополаров (10 – Джустиниани, 7 – Де Франки). 15 ноября 1453 г. был подписан акт передачи всех северопричерноморских колоний Банку св. Георгия за символическую цену – 14 310 лир. С этого времени упраздняется Оффиция Попечения Романии и официальным символом факторий становится не генуэзский крест, а изображение святого Георгия – эмблемы Банка.

После 1453 г. в связи с осложнившейся внешнеполитической обстановкой, вызванной падением Константинополя и последовавшей за ним потерей генуэзцами малоазийских факторий, в целях укрепления позиций в этом регионе и по причине массового бегства латинян из факторий проводится реформа избрания генуэзских официалов в Крыму. Теперь практически все должностные лица назначались централизованно из метрополии. Рекордным по количеству отвергнутых назначений стал 1454 г. – 22 августа этого года никто из новых чиновников не явился для принесения присяги перед отправлением в Газарию, поскольку не было желающих покидать Геную и ехать в дальние земли, подвергая свою жизнь смертельной опасности. До 15 ноября магистраты так и не были назначены. Известный в Генуе нотариус и канцелярий коммуны Якопо Брачелли из рода ремесленников-гибеллинов, единогласно избранный на пост консула Каффы, наотрез отказался отбыть в Каффу. 22 ноября протекторат Банка св. Георгия вынужден провести повторные выборы крымских чиновников по упрощенной процедуре – из восьми протекторов присутствовали двое. Избрана «тройка» консулов-массариев, из которых первым в кресло консула сядет Дамиано Леоне, из купцов-гвельфов, затем его сменит ремесленник-гибеллин Томмазо Домокульта, а последним консулом из этого триумvirата станет представитель нобилей-гвельфов Антонио Леркари [Vigna 1868-1871. Vol. VI. Doc. XVIII].

В октябре того же года в Каффе была учреждена Коллегия Четырех (*Quatuor officiales burgenses civitatis Caffè*) для контроля над деятельностью магистратов и предотвращения усобиц, просуществовавшая два года. В своем донесении члены коллегии просят об ужесточении административного контроля, информируют о повальном бегстве латинских жителей, предупреждают о том, что если не принять меры в ближайшее время, город будет потерян – его некому защитить от османов [Vigna 1868-1871. Vol. VI. Doc. XXXVIII].

В результате потери ключевых позиций в Малой Азии вся тяжесть посреднической торговли была перенесена на оставшиеся во владении Генуи крымские фактории. В связи с этим требовалось ужесточить административный контроль на местах. Ряд положений последнего по времени Статута 1449 г., утвержденные до рокового 1453 г., не отвечали изменившейся ситуации. В частности, это касалось игнорирования зажиточных горожан как потенциальных административных лиц. Сохранилось донесение каффинского епископа Джакомо Кампора от 7 августа 1454 г. в защиту прав ущемленных *burgenses*, который предлагает предоставить некоторые права генуэзского гражданства отдельным горожанам, например, продавать на откуп на короткое время «подходящим и предложившим самую высокую цену горожанам все должности в причерноморских колониях, кроме консульской и массариев, что безусловно послужило бы замирению противоборствующих сторон» [Vigna 1868-1871. Vol. VI. Doc. CL].

В нараставшем недовольстве административной системой епископ увидел серьезную угрозу спокойствию коммун. Последствия не заставили себя ждать: в сентябре 1454 г. в Каффе произошло вооруженное столкновение представителей противоборствующих группировок, вошедшее в историю как «антинобильское восстание». 15 сентября плебеи – городские низы (*homines minuti sine nomine*), объединившись с вооруженными наемниками, восстали под лозунгом: «Да здравствует народ! Смерть нобиям!» (*Vivat populus! Interficiantur nobiles!*). Среди зачинщиков были купцы Антонио Джудиче, Клеменцо ди Вальдетарро и Джулиано Леоне (племянник Дамиано Леоне, консула Каффы 1454-1455 гг.). Напуганные вооруженной вспышкой народного гнева представители знати отправляют депешу в Геную протекторам из Банка св. Георгия с описанием беспорядков. Ее подписали члены Коллегии Четырех – Федерико Спинола, Джероламо д'Аллегро, Сильвестро Де Франки и Кристиано Каттанео [Vigna 1868-1871. Vol. VI. Doc. XXXVII; CIII; CXXVII; CXXXVIII; CL; CLVI].

В донесениях постоянно звучат жалобы на несправедливость и коррумпированность администрации, на «плохое правление». Армяне и латиняне Солдаи в июне 1455 г. пишут, что ими «уже давно управляют без справедливости, но с величайшими притеснениями» и просят прислать таких правителей, которые «боялись бы Бога и питали ненависть к корыстолюбию» [Vigna 1868-1871. Vol. VI. Doc. CXXVI. Цит. в пер.: Данилова 1974]. Капитан социев Джованни Пиччинино и патрон навь Мартино Вольтаджо обвиняют высших магистратов Каффы в нарушении условий контракта и в злоупотреблениях, из-за которых наемники не исполняют свой долг, а обращаются в бегство [Vigna 1868-1871. Vol. VI. Doc. CXXII; CLIII].

Город к осени 1453 г. характеризуется как «беззащитный, пустынный и вымерший» [Vigna 1868-1871. Vol. VI. Doc. XVII]. Население спешно покидает фактории – в массовое бегство обращаются не только латиняне, но и остальные жители. Из депеши консула Каффы Деметрио Вивальди и членов Коллегии Четырех узнаем, что 28 сентября 1454 г. ушел из Каффы корабль Ачеллино Леркари с беглецами-латинянами всех социальных категорий на борту [Vigna 1868-1871. Vol. VI. Doc. XXXIII]. Вследствие неурожая 1454 г. крымские фактории оказались перед угрозой голода. Пытаясь спасти положение, в декабре 1454 г. протекторы объявляют амнистию беглецам и должникам при условии возвращения в Каффу с семьями и имуществом в течение пяти лет [Vigna 1868-1871. Vol. VI. Doc. LI].

Каффинская казна в 1454 г. опустошена, массарии прибегли к займу у состоятельных греческих, армянских и еврейских горожан. Не хватает средств на ремонт городских укреплений, на закупку продовольствия и жалованье официалам (оклад консула повысился с 500 до 600 соммов в год). С 1454 г. увеличились поборы в пользу хана – на 600 соммов в год и на 150 аспров в день. В начале 1455 г. заключается договор с султаном – послам от Каффы, генуэзским гражданам Антонио дель Пино и Баттиста д'Аллегро, удалось умиловить Мехмеда II (1451-1481), пообещав выплачивать

ежегодную дань в 3000 венецианских дукатов [Vigna 1868-1871. Vol. VI. Doc. CXVIII].

Мятеж тем более напугал генуэзскую администрацию, что совпал с очередным всплеском борьбы нобилей и пополаров в метрополии и вынудил управляющих делами Газарии Банка св. Георгия пойти на некоторые уступки, усложняющие процедуру избрания новых членов администрации факторий. Теперь претенденты на главные позиции консула и массариев должны были быть распределены с учетом сословных и партийных различий. Чтобы сохранять баланс политических сил и не давать преимуществ ни одной из фракций не только в метрополии, но и на территориях самых отдаленных от Генуи, было принято решение избирать одного консула из «старой аристократии», другого – из купцов, и третьего – из ремесленников. При этом оговаривались их «цвета», то есть принадлежность к гвельфам или гибеллинам. К примеру, в «тройке» 1462 г. Герардо Ломеллини был представителем нобилей-гвельфов, Бальдассаре Дориа – нобилей-гибеллинов, а Раффаэле Монтеросо был кандидатом от ремесленников-гвельфов. В следующей «тройке» Грегорио Рецца представлял интересы купцов-гвельфов, Джованни Ренци да Кабелла – ремесленников-гибеллинов, а Калоджеро де Гвизольфи выступал от лица нобилей-гибеллинов.

В новой редакции Устава также оговаривался порядок занятия вакансии консула в случае его безвременной кончины на посту. Массарии принимают его функции на себя до похорон. Затем Совет старейшин, члены всех официий, синдики и двадцать достойнейших гражданам Каффы выбирают четырех генуэзских граждан того же сословия и партийной принадлежности, что и покойный консул, и голосуют за одного из них. Именно он исполняет обязанности верховного чиновника Каффы до прибытия преемника из метрополии.

Нелегкая жизнь в факториях, порождавшая сложности в управлении коммуной, вносит свои коррективы в исполнение буквы Устава. Смута и раскол среди чиновников при выборе временного заместителя консула

Каффы 1463 г. Бальдассаре Дориа, скоропостижно скончавшегося в самом начале своего консульского срока, заставили протекторов пересмотреть и упростить процедуру избрания исполняющего обязанности консула. Новые рекомендации гласили: «Постановляем и предписываем, если случится, упаси Боже, что какой-либо консул на своем посту умрет, то пусть ни один из двух массариев или товарищей его не заступает его места. В этом случае должно избрать ему преемника согласно существующим правилам, но никоим образом не обращать внимания на партии (*colores*), сообразуясь с ними лишь до известной степени, то есть, если покойный консул был нобилем, то следует избрать ему преемника из нобилей и наоборот. В остальном же нет необходимости при таких выборах соблюдать партии» [Цит. в переводе: Зевакин, Пенчко 1940. С. 31].

Значение партий отныне отрицалось и при избрании других чиновников: «поскольку в городе в настоящее время мало генуэзцев, <...>, чтоб отныне при избрании ревизоров (проведиторов – *E. Я.*), консула и назначении всех прочих должностных лиц никакого не обращать внимания на число между ними граждан «белых» и «черных», но избирать половину из нобилей, половину из пополаров, без какого бы то ни было различия цветов» [Цит. в переводе: Зевакин, Пенчко 1940. С. 32].

В период с 10 декабря 1459 по 2 января 1460 г. была избрана комиссия (*la Giunta*) для принятия решений по вопросам, связанным с причерноморскими факториями, из четырех членов протектората Банка св. Георгия в составе Урбано ди Негро, Никколо Итальяно, Кристофоро Венерозо и Паоло Джустиниани. С этого времени ими выносятся вердикты по петициям частных лиц – граждан Каффы. Среди громких судебных дел, получивших широкую огласку, известно дело 1465 г. Никколо Торрилья, гражданина Каффы, обвиненного греческим епископом в оскорблении словом единоверцев и самого епископа. Торрилья было предложено покинуть Каффу и вернуться в Геную – показатель религиозной толерантности генуэзских властей. Не меньший резонанс имело дело об

изнасиловании гречанки нобилем Марко Джентиле. Однако здесь возобладали кастовые интересы, и виновному оказал покровительство консул Солдаи Антонио Борласка, позволив в августе 1465 г. укрыться от правосудия в крепости Матрега на о. Тамань, а затем в замке Боцио. Однако протекторы Банка потребовали сурового наказания для преступника. В конце 1466 г. два подобных инцидента произошли в Кафе. Виновником в одном случае стал нобиль из семьи Луксардо, обесчестивший гречанку, а в другом – молодой *burgensis* Джорджо Фацио, изнасиловавший и принудивший девушку к браку. Обоих преступников выслали за пределы коммуны.

В 1460-е гг. положение в Каффе до некоторой степени стабилизируется. Назначения главных магистратов уже не происходят столь спазматически, как это было в середине 1450-х. Механизм выбора «троек» – «консул плюс два массария-провведитора» - был более или менее отрегулирован. Отказы от назначений стали редки и, как правило, мотивированы. Так, в феврале 1466 г. Марко Леркари была предложена должность консула Каффы, но он отказался, так как «не просил, был удивлен назначением» [Vigna 1868-1871. Vol. VI. Doc. DCLXXXII]. Вместо него утвердили кандидатуру Джентиле ди Камилла.

Новый декрет от 30 декабря 1465 г. утверждал систему выборов консулов на последующие 10 лет. Калоджеро Гизольфи был последним в консульском триумvirате. Опекунский совет Банка св. Георгия прислушался к мнению консула Каффы 1462 г. Герардо Ломеллини, высказавшегося против подобной практики впредь, ибо, по словам консула, «ситуация в городе стабилизировалась и не только полезно, но даже необходимо не избирать троих консулов одновременно» [Vigna 1868-1871. Vol. VI. Doc. DCLXXI]. Кризис миновал, считал консул, характеризуя обстановку в городе как непринужденную, мирную и процветающую. Больше не было массовых отказов от назначений в колонии. По старому постановлению действующего консула должен был в срок сменить вновь прибывший. Однако по новым правилам с 1465 г. новый консул заменял не действующего Калоджеро

Гизольфи, а массария при нем, Грегорио ди Рецца. Новоизбранный консул оставался массарием до тех пор, пока Гизольфи не покинул свой пост. Это правило действовало и во все последующие годы, вплоть до падения Каффы. Это, конечно же, противоречит Уставу 1449 г., где сказано, что массарии не могут сменяться консулами и наоборот. В итоге триумvirат остался, но обновлялся каждый год на одну треть. Годовой срок пребывания на постах продлился до 13 месяцев, двухлетний – до 26 месяцев. Одним годом были лимитированы должности консула, министрاليا и писца массарии.

Единственным отступлением от принятых норм были выборы 1467 г. [Vigna 1868-1871. Vol. VI. Doc. DCCLXXII; DCCLXXIII]. 15 января этого года протекторы приняли решение об избрании не одного, а сразу двух консулов во имя безопасности и спокойствия Каффы. Эти меры были вызваны неудачными попытками предыдущих магистратов контролировать криминальные элементы в городе. В феврале консулом Каффы избирается Карло Чиконья, ему же было поручено подобрать кандидатуру на пост викария. По документам именно он пришел на замену консулу Джентиле ди Камилла. В мае 1467 г. Алаоне Дориа был также избран консулом и должен был впоследствии сменить Чиконья. Однако из-за бюрократических проволочек Карло Чиконья не получил патента на консульскую должность ранее 8 июня и по-видимому оставался консулом лишь де-юре, тогда как Алаоне Дориа выдают консульский мандат 28 июля.

1 июня 1475 г. султан Мехмед II осадил Каффу. В экспедиции участвовали 353 корабля – 180 галей, 3 галеацци, 170 нав с 3000 воинов на бортах и вспомогательный флот из 120 понтонов для перевозки лошадей, боеприпасов и продовольствия. После четырехдневной артиллерийской атаки город был вынужден сдаться. Консул Антониотто Кабелла отправил к Ахмед-паше, флотоводцу османской армады, послов – Систо Чентурионе и Баттиста ди Аллегро с предложением о капитуляции. Судя по некоторым источникам, виновниками сдачи города были предатели из армянской диаспоры и массарий Оберто Скварчафико, передавший ключи от

крепостных ворот изменникам. Османы жестоко расправились с латинским населением Каффы – «изрубили в куски», остальных угнали в рабство. 1500 отроков разных национальностей были оторваны от своих семей и отправлены в Константинополь в войска янычар. Самые красивые, пышно декорированные храмы были разрушены, тогда как скромно оформленные превращены в мечети. Предатель Оберто Скварчафико разделил участь прочих и был повешен за ребра на крюк. Антониотто да Кабелла остался в живых и окончил свои дни на каторжной галере. Все нобили были убиты и дома их ограблены, а затем сожжены. Последний консул Солдайи – Кристофоро ди Негро (1471-1475) оказал героическое сопротивление врагу, мужественно защищаясь до конца. Солдаия и Чембало были потеряны в течение нескольких следующих дней. Так описывает разыгравшуюся трагедию Дж. Пистарино в очерке «Падение Каффы: диаспора на Востоке» [Pistarino 1990. Pp. 477-518]. Однако стоит упоминания тот факт, что сохранилось каффинское надгробие 1523 г. с именем юноши Ланфранко из рода Дзаккариа д'Анджели. Спустя почти полвека после потери генуэзцами Крыма

Изучение эволюции генуэзской администрации в Крыму показывает, что в то время, когда в метрополии политическое господство принадлежало пополарам, генуэзская администрация факторий состояла преимущественно из нобилей. В течение всего существования крымских владений Генуи здесь на административных постах неизменно присутствовали представители почтенных нобильских семей. Высшая власть в фактории семь раз оказывалась в руках представителей рода Дориа, по шесть – Спинола и Фьески, по пять – Гримальди, Ломеллини и Леркари, четырежды консулами становились члены семьи Вивальди. Среди нобилей - выходцев из Генуи преобладали гибеллины. Что касается пополаров, то среди немногочисленных Адорно в Крыму находились члены боковых ветвей, трое из которых исполняли должность консулов Каффы и Солдайи. Фрегозо

практически не присутствовали постоянно ни в Каффе, ни в других поселениях – известно лишь имя Изнардо Фрегозо, каффинского министралия 1438 г. Успешно продвигались по иерархической лестнице представители ремесленников, торговцев и нотариев из зажиточных семейств Джудиче, Дзоальи, Кабелла, Олива, Рецца, Саули.

Генуэзская администрация указанного периода эволюционировала от самых простых, стихийно сложившихся форм (кратковременное исполнение магистратских функций активными членами коммуны, избираемыми на общем собрании жителей фактории) к созданию разветвленного бюрократического аппарата. В начале 1450-х гг., в обстановке военно-политической нестабильности, состоялась попытка привлечь к управлению более широкие слои населения, в частности, позволить *burgenses* занимать большее количество должностей. Но уже к 1460-м гг., когда обстановка в факториях несколько стабилизировалась, право замещать важнейшие посты в аппарате управления вернулось нобиям. Предоставление должностей в счет уплаты долгов Генуи, то есть фактическая продажа крупных значимых должностей, прежде всего консульской и казначейской, низводила статус консула и назначаемых официалов до уровня откупщиков, что подрывало престиж администрации.